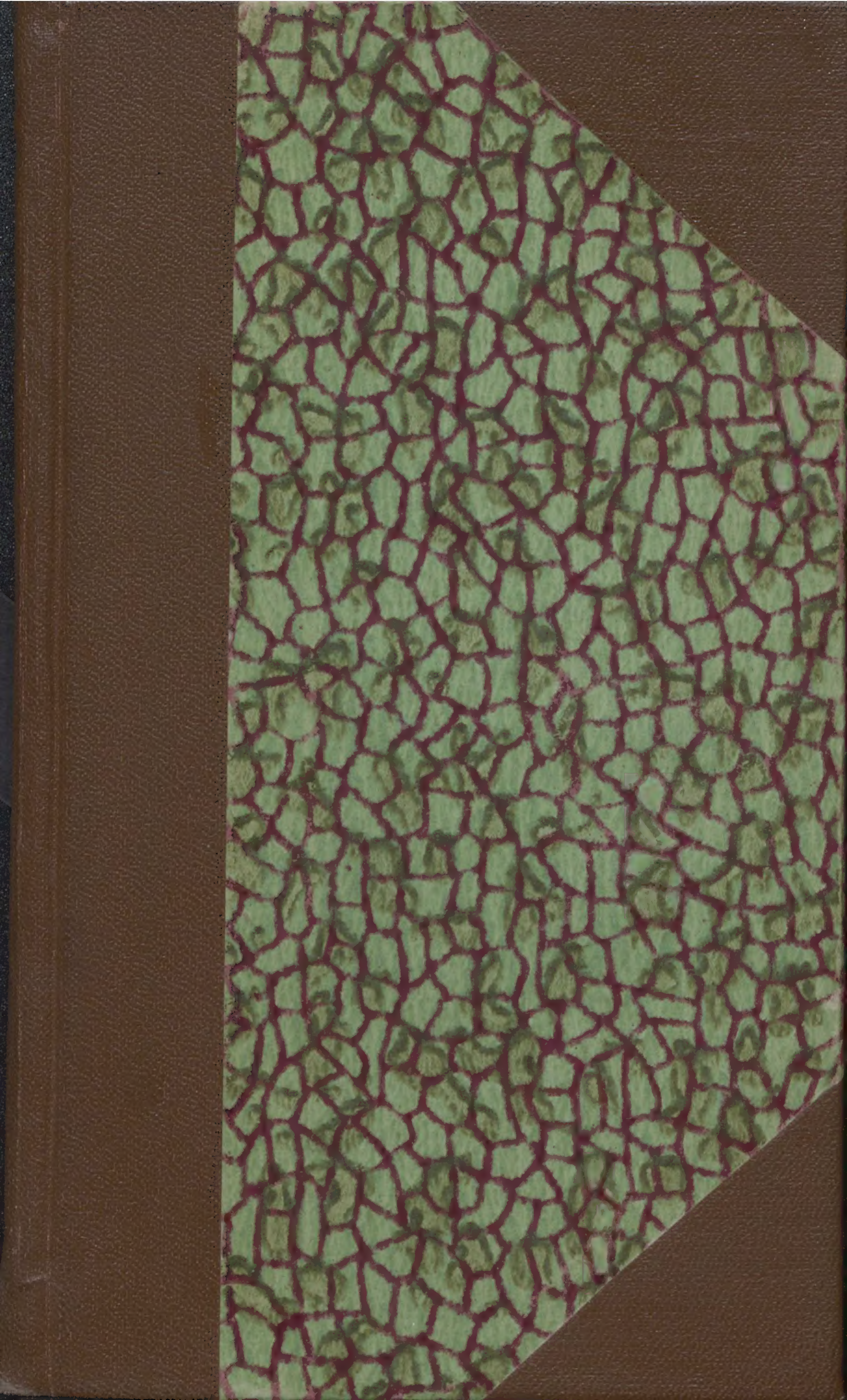

СИЛА
РОДСТВА,
ГИШПАНСКАЯ ПОВѢСТЬ,

СОЧИНЕННАЯ

Госпожею де Гомецъ,

перевелъ

Павелъ Фонъ Визинъ.

Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1764. года

СИЛА РОДСТВА.

Старой Толедской дворянинъ ходилъ въ жаркой лѣтней день прогуливаться; и возвращался въ прохладное вечернее время. За нимъ слѣдовалъ весь его домъ, жена, сынъ и дочь, которой было тогда семнатцать лѣтъ. Ночь была свѣтлая: время было около одиннатцати часовъ; а на дорогѣ никого болѣе не видно было прохожихъ. Сїе малое собранїе прохаживалось весьма тихо, чтобъ себя не утрудить. Во время дороги разговаривали они о невинномъ удовольствїи, происходящемъ отъ прогуливанїя, чѣмъ были они приведены всѣ въ чрезмѣрное восхищенїе; но не предвидѣли, что сїе было имъ къ вящшему огорченїю; что кон-

чилось нещастнымъ случаемъ, котораго они не представляли; и что наконецъ оное навело имъ весьма чувствительную горесть, которая рѣдко приключиться можетъ. Въ томъ городѣ жилъ тогда молодой дворянинъ, которому было около дватцати лѣтъ. Богатство, благородство склонность его къ роскошной жизни, гордой его видъ, чрезмѣрная щедрость, которую ему приписывали, и худыя сообщества, коихъ онъ убѣгать не старался, привлекали его къ звѣрскимъ дѣламъ. Часто производилъ онъ въ дѣйство такія намѣренія, въ которыхъ утаевалъ свое достоинство, и кои благородному его происхожденію со всѣмъ не приличны были. Родольфъ, такъ назовемъ его, потому что должно скрыть прямое его имя, вышелъ въ тотъ же день изъ города прогуливаться. Четыре его друга слѣдовали за нимъ. Они были равнолѣтны, дики, вѣтрены, смѣлы и роскошны какъ и онъ. Оба зборища встрѣтились другъ съ другомъ на не большомъ пригоркѣ. Дворянинъ казался быть съ начала нѣсколько испуганнымъ; но наконецъ будучи увѣренъ,

ренъ, что въ Толедѣ защищаютъ добродѣтель, и почитаютъ правы. Сверьхъ того зналъ, что такимъ знатнымъ людямъ, каковъ онъ, никто не можетъ здѣлать обиды; то по нѣскольких разсужденiяхъ, со всѣмъ боязнь оставилъ. Онъ также старался уговаривать жену свою и дочь, которыми овладѣлъ страхъ приближающiяся опасности. Родольфъ и друзья его тотчасъ закрыли лица свои епанчами. Наконецъ остановились и начали бросать взгляды свои на госпожу и на дочь ея, на которую они весьма долго дерзко и безстыдно смотрѣли, выговаривая при томъ нѣсколько грубыхъ словъ, которыя извинялъ имъ сей дворянинъ съ веселымъ видомъ. Они коротко ему отвѣтствовали, и ничего далѣе не предпринимая, въ пути его предъупредили. Я зналъ то давно, сказалъ потомъ дворянинъ сей, оборотясь къ дочери своей, которая еще не переставала быть въ страхѣ; и по тому, любезныя дѣти, хотѣлъ я вамъ сказать и прежде, что сiи люди нималаго намъ озлобленiя не здѣлаютъ, и что все миновалось, съ нѣсколько выговоренными грубыми сло-

вами. Между тѣмъ, продолжалъ онъ, пойдемъ поскорѣе, чтобъ намъ не очень поздо притти домой. Боже! избави насъ отъ всѣхъ противныхъ случаевъ. По сихъ словахъ, вдругъ услышали они шумъ, то были пятеро господъ, которые шли назадъ. Родольфъ разсматривалъ Леокадїю, такъ называлась дочь сего дворянина, весьма прилѣжно. Она показалась ему чрезвычайно прекрасною, которая и въ самомъ дѣлѣ была такова. Небо украсило сїю возрастающую красавицу различными прелестьми, такъ что въ Толедѣ мало находилось дѣвицъ, которыя бы могли съ нею равняться. Чрезвычайная красота ея способна была пронзить грудь Родольфову. Онъ не могъ укротить неограниченныхъ своихъ желанїй, и слѣдуя чрезмѣрной своей страсти, принялъ намѣренїе, ея увести, а въ награжденїе за сей трудъ назначилъ онъ послѣднее удовольствїе, которое, чего бы ни стоило, добровольно, или силою получить отъ нея надѣялся. Онъ открылъ товарищамъ своимъ злое свое и омерзѣнїя достойное намѣренїе. Они подкрѣпляли звѣрское его предпрїятїе, и совѣты

вѣты ихъ служили къ исполненїю его желанїй. Не удивително, что они посвятили себя къ его услугамъ, и привыкли ужѐ похвалять его пороки; ибо онъ всегда съ ними обращался, и проживалъ между тѣмъ великую сумму денегъ. Они умножали тотъ жаръ, которой въ немъ пылалъ. Тебѣ нѣчего опасаться, говорили они, ты можешь лехко получить то. Кто бъ пропустилъ такой способной случай? Нѣтъ, естьли ты только хочешь употребить наши услуги; то будемъ стараться, чтобъ ты достигъ сего удовольствїя. При сихъ словахъ оборотились они всѣ, каждой изъ нихъ прикрылъ лице свое платкомъ, чтобъ не можно было узнать. Обнажили свои шпаги и къ нимъ итти спѣшили. Они раздѣлились, трое напали на дворянина, которой будучи одинъ, нималаго не могъ имъ дѣлать сопротивленїя; а въ самое то время Родольфъ и съ нимъ другой, отнявъ у нихъ Леокадїю, ушли. Она не имѣла силъ противъ ихъ вооружиться. Страхъ удерживалъ языкъ ея. Она не въ состоянїи была жаловаться, нижѐ произнести малаго голосу, была безъ чув-

ственна и упала въ безпамятствѣ въ руки своихъ похитителей. Они увели ея въ городъ, нималаго не имѣя сожалѣнія о слезахъ ея родителей, которыя пришли въ отчаяніе, увидя, что не могли за дочерью своею слѣдовать. Ибо оставшіеся трое ухвативъ сего дворянина, ихъ удержали, и приставя имъ къ грудямъ шпагу, грозили каждую минуту заколоть, естьли не окончаютъ они своего жалобнаго вопля. Наконецъ пустили ихъ, но не прежде какъ похитители были ужѐ весьма далеко, и почти изъ виду вышли. Они возвратились домой, наполнены будучи страхомъ и сердечнымъ сожалѣніемъ. Не утѣшныя ихъ жалобы были не внятны, а что ихъ въ совершенное отчаяніе приводило, то была неизвѣстность, что имъ въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ дѣлать должно было. Развѣ, говорили они, принесть намъ жалобы свои судьямъ, но что изъ того пользы будетъ? Все тщетно, ибо мы не знаемъ на кого должны жаловаться? Естьли намъ обьявить свое бѣдствіе, то возрастетъ изъ того нашъ стыдъ; и домъ нашъ будетъ тѣмъ боль-

больше приведенъ въ безславіе. Можетъ быть, найдутся такіе злые люди, кои будутъ столько безсовѣстны, что станутъ насъ укарять и говорить, чтобъ мы за дочерью своею имѣли больше смотренія. И такъ состояніе ихъ было весьма сожалѣнія достойное! Но и сверьхъ того не имѣя дороги, найти благополучіе и великое имѣніе, и зная, что въ свѣтѣ семъ все зависитъ отъ благодѣтелей и отъ милости великихъ людей, печалились они чрезмѣрно какъ приступить къ оному дѣлу.

Родольфу не не доставало также беспокойства. Леокадія была у него въ домѣ его отца, въ особливой комнатѣ, въ которой онъ, когда ему угодно было, бывалъ иногда одинъ, и надъ коею имѣлъ онъ полную власть. Родители весьма не осторожно дѣлаютъ, когда позволяютъ дѣтямъ своимъ такую вольность. Онъ вкусилъ ужѐ всѣ пріятности не находя въ ней нималаго супротивленія. Ибо она была еще внѣ себя, какъ онъ принесъ ея въ свою комнату. Послѣ столь краткой утѣхи, которую купилъ онъ столь безтыднымъ

образомъ, она ему ужѐ наскучила. Онъ не зналъ, какъ ему отвести опять сїю молодую дѣвицу, которую у себя долѣе держать не могъ. Сїе насильство на́чало приводить его въ раскаянье. Онъ представлялъ себѣ произходимыя изъ онаго слѣдствїя, и тотчасъ узналъ, что естьли о томъ узна́ютъ, то можетъ онъ получить себѣ чрезъ то безчестїе, стыдъ и необходимое наказанїе. Богатые и великїе люди не преступаютъ законовъ. Сїе разсужденїе ввергнуло его въ печаль. Онъ не видалъ инаго средства, какъ только отвести отъ себя Леокадїю. Похищая ея, имѣлъ онъ предосторожность завязать ей глаза̀, и сверьхъ того зналъ подлинно, что безпамятство съ того самаго времени, какъ онъ взялъ ея въ свои ру́ки, еще не прошло. И такъ почиталъ за невозможное, чтобъ она его домъ или комнату, въ которой съ нимъ когда ни будь находилась, узнать могла. Между тѣмъ какъ онъ утверждалъ сїе крѣпко, что безчестное то дѣло не можетъ никогда извѣстно быть свѣту, принялъ намѣренїе сїю бѣдную женщину;

хотя

хотя она была еще безъ памяти, вывести на улицу. Онъ началъ тотчасъ стараться произвесть въ дѣйство свое намѣренїе. Взялъ опять въ руки Леокадію; но только лишъ хотѣлъ поднять ея съ постели: то усмотрѣлъ, что она начала приходить въ чувство. Нѣсколько времени спустя, услышалъ онъ слабымъ и трепещущимъ голосомъ, смѣшеннымъ съ воздыханїями, произносимыя ею ужасныя жалобы. Гдѣ я, о! нещастная, говорила она? Чье руки меня осязаютъ, въ какой я нахожусь комнатѣ, которая мнѣ со всѣмъ кажется не знакомою? Любезные родители! придите ко мнѣ на помощь! Ахъ!..... Однакожъ я вижу, что вы не внимаете моего нещастїя. Мы теперь другъ отъ друга въ далекомъ разстоянїи, и я нахожусь у своихъ непрїятелей. Сколь бы я была благополучна, естьлибъ темнота ночи, теперь меня окружающая, продолжалась вѣчно; естьлибъ не освѣщалъ меня болѣе свѣтъ! Ахъ! Я не должна ужѐ никому показываться. Честь моя похищена. О! ты продолжала она, глядя на Родольфа, и взявъ его за - руки,

кто бы ты ни былъ, когда только можешь смягчиться, покажи со мною одну милость, которой я безъ сомнѣнія достойна. Ты побѣдивъ честь, побѣди и жизнь мою; умертви меня, чтобъ я не могла видѣть своего нещастія. Я не требую отъ тебя невозможнаго; знаю, сколь малаго труда стоялъ тебѣ порокъ сей. Сїе укоренїе тронуло сердце Родольфсво, онъ стоялъ окамененъ, приведенъ былъ въ стыдъ, и не могъ ничего отвѣтствовать. Леокадїя, примѣчая его молчанїе, впала въ страхъ, думая, что только было то одно привидѣнїе. Но приводя все то, что прежде съ нею происходило въ доказательство, поняла тотчасъ, что онъ ничто иное былъ, какъ духъ. Сїе оскорбляло ея. Она воздыхала безпрестанно; проливала горкїя слёзы, и наконецъ начала ему говорить: Дерзостной! я довольно вижу, что ты не осмѣливаешся рукъ своихъ омыть въ крови неповинной жертвы, съ которою ты поступилъ столь жестоко; ибо я не могу себѣ вообразить, чтобъ ты изъ милосердїя отложилъ убїйство, которое можетъ меня свободить отъ моего мученія.

Ты

Ты бы исчезъ отъ беспокойства, естьлибъ меня умертвилъ. Я примѣчаю, что уже совѣсть твоя довольно чувствуетъ угрызенія. Думаю, что печаль моя исполнитъ то, въ чемъ твои смущенныя мысли мнѣ отказываютъ. Смерть избавитъ меня отъ всего. Между тѣмъ выдумала я средство, чрезъ которое можешь ты меня свободить, и избавить стыда, быть въ твоей власти. Когда я столь была нещастлива, что претерпѣла стыдъ, котораго ты былъ причиною. Я прощаю тебѣ сей порокъ; естьли ты обѣщаешся никому не открывать онаго. Благосклонность, которой я отъ тебя требую, очень мала, сравнивая съ претерпѣнною мною отъ тебя обидою: но я должна быть и тѣмъ довольна, не имѣя инаго средства. Я во всю мою жизнь не видывала твоего лица, и мнѣ въ томъ нужды нѣтъ. Случаются такія озлобленія, кои столь твердо въ мысли вкореняются, что ихъ истребить никогда не можно: то и твои никогда изъ памяти моей не выдутъ. Но я бы пала подъ бременемъ печали; естьлибъ знала

того, кто такія здѣлалъ со мною злодѣянія. Я только того отъ тебя требую, чтобъ ты не разглашалъ свое бестудное и омерзительное предпріятіе. Что до меня касается, то я съ моей стороны буду говорить о томъ только сама съ собою. Естьли ты не будешь хвалиться своею злостію; то свѣт о томъ конечно ничего знать не будетъ; безъ сумнѣнія удивляешся ты, что женщина въ мои лѣта такъ съ тобою говоритъ? Я и сама тому дивлюсь, знаю изъ опытовъ, что великія огорченія иногда производятъ молчаніе, а иногда красноречіе. Но какъ бы то ни было: смягчись; здѣлай со мною милость, о которой я тебя прошу; дозволь оставить мнѣ сей покой, въ которой ты меня заключилъ, выведи меня на улицу къ большей церкви. Когда я буду тамъ, то найду ужè и одна моихъ родителей, у которыхъ изъ рукъ ты меня похитилъ. Я прошу тебя только о томъ, чтобъ ты далѣе за мною не слѣдовалъ, и не провѣдалъ о моемъ домѣ. Смотри теперь, сколь скоро сталъ ты сожалѣть о учиненномъ тобою злодѣяніи! отвѣчай!

или

или ты опасаешся, что бъ голосъ твой тебѣ не измѣнилъ? Не страшись того! Я тебя увѣряю, что во всю мою жизнь ни съ однимъ мущиною такъ не говорила, выключая того, которой мнѣ далъ жизнь.

Родольфъ обнялъ стенящую Леокадїю; но не могъ отвѣтствовать на разумныя словà ея. Почему принужденъ ея оставить. О! невольникъ всѣхъ пороковъ! вскричала она оттолкнувъ его отъ себя съ яростїю и силою. Знай, безстыдной и вѣроломной хищникъ, что окончанїя твоихъ желанїй было причиною мое безчувствїе Ты долженъ стыдится своей побѣды, естьли ты хотя мало разсуждать будешь, но теперь, когда собрала я всѣ разсѣянныя свои мысли, осмѣлься ты приступить ко мнѣ? Я конечно скорѣе лишу себя жизни, нежели допущу видѣть себя въ другой разъ опороченною. Однимъ словомъ, Леокадїя такъ вооружилась, что Родолфъ не осмѣлился ужѐ болѣе ни на что отважиться. Онъ отошелъ отъ нея, не говоря ни сло́ва. Разсуянїе навело на него страхъ, угрызающая совѣсть причиняла ему

раны;

раны; и онъ съ великою прискорбностїю спѣшилъ вытти скоряе изъ комнаты, въ намѣренїи сыскать всѣхъ своихъ друзей, и просить у нихъ совѣту, какъ при семъ случаѣ поступить. Леокадїя примѣтя, что она одна въ комнатѣ, тотчасъ встала съ постéли; оглядывалась, наполнена будучи страхомъ; ходила вокругъ комнаты, и искала дверей и окнà, чтобъ какъ ни будь вытти на улицу. Приняла намѣренїе, на все отважиться, для освобожденїя себя изъ сего неволничества. Прежде всего увидѣла она дверь, которая однакожъ была заперта; потóмъ усмотрѣла окно, которое тотъ часъ и отворила. Но какъ въ то время луна освѣщала сїянїемъ своимъ земной кругъ: то могла она различить цвѣты на шелковой матерїи, которая ту комнату украшала. Она видѣла, что у кровати были привѣшаны весьма богато вышитыя завѣсы. Тотъ уборъ скорѣе можно было почéсть принадлежащимъ Принцу, нежели простому дворянину. Перечла стулья и прочїя украшенїя, которыя стольже великолѣпной были работы, и доказывали хорошей вкусъ.

Она

Она примѣтила сторону, на которой была дверь, и нѣсколько живописныхъ картинъ, кои висѣли на мраморныхъ стѣнахъ; однако не могла точно разсмотрѣть ихъ лицъ и исторій. Окно было велико, въ которомъ здѣлана была крѣпкая желѣзная решетка; откуда видѣнъ былъ садъ, окруженной стѣною. И такъ Леокадія не могла сойти на улицу и не нашла себѣ нигдѣ нималаго выходу, для исполненія своего намѣренія. Между тѣмъ изо всего, что она въ семъ изрядно убранномъ покоѣ видѣла и примѣчала, могла заключить, что онъ человѣкъ знатной и имѣетъ неизчерпаемое богатство. Нечаянно увидѣла она золотой крестикъ, осыпанной бриліантами, которой лежалъ на шкафѣ, не далеко отстоящемъ отъ окна. Она взяла его и спрятала, не въ томъ намѣреніи, чтобъ его украсть, но чтобъ при случаѣ употребить его въ свою пользу. Потомъ затворила окно, легла опять на постелю, и дожидалась, какое ей избавленіе назначитъ судьбина. Не прошло еще полчаса, какъ услышала она, что дверь отворилась. Въ ту самую минуту, подошелъ

дошелЪ кЪ ней человѣкЪ, которой не промолвя ниодного слова, завязалЪ ей глаза платкомЪ, взялЪ ея за-руку, и вышелЪ изЪ комнаты. То былЪ самЪ РодольфЪ, которой, какЪ выше сказано, пошелЪ искать своихЪ друзей, но на дорогѣ перемѣнилЪ свои мысли, и разсудилЪ, что естьли онЪ согласится на то, чего Леокадія отЪ него требовала: то со всѣмЪ свободится отЪ печали. ДрузьямЪ своимЪ скажу я, говорилЪ онЪ самЪ вЪ себѣ, что слёзы сея дѣвицы меня тронули, что я долженЪ отпустить ея кЪ ней вЪ домЪ, и что я конечно ничего предпріять противЪ ея не осмѣлился, хотя и имѣлЪ ея вЪ рукахЪ своихЪ. Они легко тому повѣрят, продолжалЪ онЪ, когда я имЪ представлю ту опасность, которой бы я дѣйствительно избѣжать не могЪ, естьлибЪ принудилЪ ея у себя остаться. ОнЪ слѣдовалЪ своимЪ мыслямЪ, и довелЪ Леокадію до большей церкви. День началЪ разсвѣтать, какЪ скоро пришли они кЪ сему мѣсту, то скрылЪ онЪ свой языкЪ, и началЪ говорить половину ПортугальскимЪ, а половину КастиліанскимЪ языкомЪ. Вы можете

иттѝ

итти теперь въ свое жилище; и я обѣщаюсь болѣе за вами не слѣдовать. Проговоря сїи слова, тотчасъ ушелъ; Леокадїя не имѣла времени ни слова ему отвѣчать. Огорченная красавица стояла нѣсколько времени подлѣ церкви. Она сорвала платокъ съ глазъ своихъ; узнала тотчасъ то мѣсто, глѣ находилась по тому, что уже было свѣтло; смотрѣла вокругъ, однако никого не могла увидѣть. Опасаясь, чтобъ не слѣдовалъ кто ни будь за нею издали, старалась итти, какъ возможно, скорѣе, и наконецъ на дорогѣ увидя отворенныя двери одного дому, вошла въ нихъ, чтобъ обмануть тѣхъ, которые за нею, какъ она воображала, можетъ быть, слѣдовали; и скоро потомъ достигла своего дому чрезъ потаенныя двери. Она нашла родителей своихъ въ уединенной и печальной тишинѣ. Отъ горести не могли они заснуть, и всю ночь проливали слёзы. Сколь нѣжно и съ какимъ сожалѣнїемъ приняли они свою дочь; то легко можно себѣ представить. Они оказывали нетерпѣливное желанїе, узнать отъ нея, что приключилось съ ея похитителями. Я вамъ

скажу

скажу со всѢми обстоятельствами, говорила Леокадїя, имѢя полны глаза слезъ; но намъ должно итти въ особливое мѢсто. Потóмъ пошли они въ другую комчату, въ которой и заперлись. Леокадїя открыла имъ печальное и жестокое приключенїе. Она не позабыла ни одного обстоятельства, описывала тотъ покой, въ которомъ она была заключена. НапослѢдокъ показала имъ тотъ драгоцѢнной крестъ, которой взяла у Родольфа. Хотя меня сїе и печалитъ, говорила она воздохнувъ, что я не знаю хищника моей чéсти; однакожъ считаю за легкое, узнать его по етому кресту, естьли вы не почитаете того себѢ и мнѢ въ предосудительность. Намъ осталось поручить церковникамъ соборной церкви, чтобъ они дали ему знать, что его крестъ въ нашихъ рукахъ, и мы его охотно отдадимъ ему, естьли скажетъ онъ намъ, какъ онъ здѢланъ, и какой величины въ немъ камни. Я не сумнѢваюсь, чтобъ чрезъ сїе средство не узнали мы сего злодѢя, которой меня довелъ до сего стыда. Это все хорошо любезная дочь, говорилъ дворянинъ; твое

твое желанїе конечно бы могло быть исполнено, естьлибъ мы жили въ другомъ какомъ вѣкѣ. Но тѣ времена уже протекли, въ которыхъ люди попадались въ такїя сѣти. Злоба ихъ дошла до самой высокой степени. Они хитры и столькоже способны, скрывать дерзкїе свои пороки, сколь мало чувствуютъ происходящее отъ онаго угрызенїя совѣсти. Будь увѣрена, любезная моя Леокадїя; что какъ скоро позабывшей честь человѣкъ, которому принадлежитъ сей крестъ, его лишился; то конечно заключитъ, что ты взяла оной. Но положимъ, что онъ того и не думаетъ; со всѣмъ тѣмъ, любезная дочь, выкинь тѣ мысли изъ головы. Онъ конечно за сїе не вступится. Такимъ образомъ избѣжимъ мы опасности, чтобъ вмѣсто его не узнали насъ, съ какою бы мы осторожностїю, притомъ дѣлѣ ни поступили, когда ты не подала нималаго подозрѣнїя, то онъ столько же мало тебя знаетъ, какъ и ты его. Когда же такъ, для чего хотимъ мы столько быть глупы, и безъ всякой нужды подвергнуть себя опасности, объявить ему о себѣ?

Дѣй-

Дѣйствительно намъ столькоже въ томъ пользы, сколько и ему, чтобъ быть не извѣстнымъ. богъ хотѣлъ насъ тѣмъ спасти, что камни не могутъ говорить, и такъ я не въ состоянїи подать другаго совѣта, кромѣ того, что должно намъ сохранить етотъ крестъ, и между тѣмъ ласкать себя надеждою, что, когда онъ былъ безсловеснымъ свидѣтелемъ твоего нещастїя: то самъ богъ, принимая невинныхъ подъ свой покровъ, будетъ судїя онаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ почитаю я то, что ставятъ за отнятїе чести, пустымъ только вообраЖенїемъ, когда оно бываетъ не извѣстнымъ. Естьли же хочешь ты жить, не скрываясь отъ свѣта, то какъ бы ни была отнята честь твоя, однако утѣшайся тѣмъ, что ты не будучи со всѣмъ тому виною, претерпѣла сїе нещастїе. Сверьхъ того и стыдъ твой остался скрытымъ. Совершенное отнятїе чести состоитъ въ томъ, когда кто дѣлаетъ злодѣянїя, отъ которыхъ тотъ самой, кто ихъ учинилъ, принимаетъ стыдъ, и бываетъ наполненъ смущенїемъ. Но кто знаетъ добродѣтель, любитъ ея

се и слѣдуетъ ея правиламъ, тотъ дѣйствительно не претерпѣваетъ никакого стыда, не подверженъ бываетъ порокамъ, и коего честь похищена быть не можетъ, какоебы съ нимъ ни случилось приключенїе. Словомъ сказать: бога раздражаемъ мы только словами и мыслями; а ты въ разсужденiи твоего нещастїя, изъ сихъ двухъ ни однимъ его не раздражила. И по тому можешь ты почесть себя въ число тѣхъ, которыя непорочность свою сохранили. Лукрецїя не перестаетъ для того называться геройнею, что Таркиний былъ хищникомъ ея чести.

Такимъ образомъ утѣшалъ разумной отецъ младую Леокадїю. Потомъ мать ея взяла ее въ свои объятїя, и говорила ей почти тоже самое; но сердце ея чувствовало горесть, когда она видѣла Леокадїю ничемъ не утѣшимою. Она заключила, чтобъ изъ того не произошло, съ того времени отказаться отъ свѣта и скрывать свое лице, носить худое черное платье, и въ вѣчное заключить себя уединенїе.

Между тѣмъ Родольфъ, пришедъ домой, и не видя своего креста, тотчасъ

во-

вообразилъ себѣ, что оной взяла Леокадія; однако онъ о томъ не печалился.

Съ нѣкотораго времени, имѣлъ сей молодой дворянинъ намѣреніе ѣхать въ Италію. Отецъ его, бывъ прежде сего въ сей странѣ, оное ему присовѣтовалъ. Сей отецъ почиталъ между прочими, и то за правило жизни, что молодой человѣкъ не можетъ быть совершеннымъ, который непрестанно живетъ въ своемъ отечествѣ; и что онъ долженъ непремѣнно быть въ другихъ государствахъ. Сіи основательныя причины побудили Родольфа слѣдовать волѣ своего отца. И для того далъ онъ ему вѣрющія письма и векселы, по которымъ можетъ Родольфъ взять столько денегъ въ Генуѣ, въ Римѣ, въ Барцеллонѣ и Неаполѣ, сколько ему надобно будетъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней началъ Родольфъ съ двумя своими друзьями путешествіе, которымъ онъ столь былъ доволенъ что Леокадіины приключенія скоро со всѣмъ изъ памяти его вышли.

Между тѣмъ не возможно ужè было постояннѣе и воздержнѣе жить, какъ жилà Леокадія. Она скрылась

ото

от всѣхъ; и чрезвычайно много старалась о томъ, чтобъ красота ея не могла причинить ей нещастія. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, поражена она была противъ воли своей крайнимъ нещастіемъ. Она почувствовала уже свою беременность, не могла болѣе сносить огорченія, и сердце ея лишилось всѣхъ утѣшеній. Ничего уже для нѣе болѣе не осталося, какъ только то, чтобъ тягость и болѣзни скрывать съ терпѣніемъ. Время разрѣшенія приближалось. Мать ея, чтобъ содержать то тайно, хотѣла быть у нея сама бабкою. Напослѣдокъ Леокадія произвела въ свѣтъ сына. Онъ воспитываемъ былъ три года въ загородномъ домѣ; и дѣдъ, взявъ его къ себѣ, воспиталъ самъ его какъ собственнаго своего сына. Сей младенецъ, которой назывался Людвигъ, былъ чрезмѣрной красоты. Въ немъ блистала особливая живость и бодрость духа. Кромѣ разума имѣлъ онъ тихой и кроткой нравъ. Поступки его были прельщающія и пріятныя, и всѣ свойства доказывали знатной его родъ. Кто видѣлъ Людвига, тотъ восхищался пріятнымъ его видомъ. Весь городъ любилъ его, выхвалялъ и ему удивлялся.

влялся. Родители его матери, любили его съ чрезвычайною нѣжностїю. Они такое старанїе прилагали о его воспитанїи, что онъ на седьмомъ году возраста болѣе понималъ и разумѣлъ, нежели обыкновенно младенцы въ двенатцать лѣтъ понимать могутъ.

Однажды ходилъ молодой Людвигъ по городу прогуливаться, и пришелъ въ одну улицу, въ которой нѣсколько благородныхъ людей упражнялись въ бѣганїи. Онъ тотчасъ остановился, и смотрѣлъ на сїе рысканїе, но чтобъ лучше то видѣть, оставилъ онъ то мѣсто и хотѣлъ перейти на другое; однако жъ онъ не могъ его такъ скоро достичь, какъ вдругъ рѣзвая и бѣшеная лошадь, которую сѣдокъ не въ состоянїи былъ удержать, на него наскакала. Бѣдной младенецъ лежалъ на землѣ безъ чувствїя, и не дѣлая нималаго движенїя, какъ текло изъ него чрезвычайно много крови. Между тѣмъ какъ всѣ увѣдали о жалостномъ семъ приключенїи, то старой и знатной Кавалеръ, будучи на семъ же позорищѣ, бросился съ лошади, и спѣшилъ къ младенцу, въ которомъ не видно уже было нималаго знака къ жизни. Онъ взялъ его съ рукъ одного

ного человѣка, которой его поднялъ, и не смотря на свои лѣта и состоянїе, ибо онъ былъ знатной и благородной человѣкъ, внесъ его въ свои палаты, выслалъ своихъ людей, которые хотѣли его принять, и велѣлъ имъ, не упуская времени, привести Доктора. Многїе благородные люди слѣдовали за нимъ, кои испужались сего нещастнаго случая, которой увеселенїе ихъ превратилъ въ печаль, и всѣ наполнены были отчаянїемъ, Людвигъ почти всѣмъ знатнымъ людямъ былъ извѣстенъ. Леокадїи и родителямъ ея тотчасъ сказано было сїе печальное приключенїе. Они шли всѣ трое, будучи объяты страхомъ и утопая въ слезахъ. Любезнаго своего сына нашли они еще безчувственнымъ въ рукахъ Доктора. Помянутой Кавалеръ и жена его утѣшали ихъ, сколько они были въ состоянїи. Скоро потомъ увѣрялъ ихъ Докторъ, будучи человѣкъ весьма искусной, что сынъ ихъ совсѣмъ безопасенъ, что рана ни одна несмертельна, и что онъ скоро ему поможетъ. И дѣйствительно Людвигъ пришелъ въ себя, какъ скоро только перевязали ему раны. Онъ узналъ всѣхъ лю-

дей, и всѣ великую имѣли надежду видѣть его въ скоромъ времени здоровымъ. Дѣдъ его не переставалъ приносить Кавалеру чувствительную свою благодарность, за оказанную внуку его милость. Не благодарите мнѣ: перервалъ сей Кавалеръ, потому что въ семъ благодѣяніи была собственная моя польза; ибо какъ скоро увидѣлъ я, что наскакала на него лошадь, и сей младенецъ упалъ, то тотчасъ показалось мнѣ, что видѣлъ я лице одного изъ моихъ сыновей, котораго я люблю чрезмѣрно. Я мгновенно объятъ былъ сердечнымъ сожалѣніемъ. Подбѣжалъ къ нему; взялъ его на́-руки; снесъ къ себѣ въ домъ; и надѣюсь, что вы позволите, чтобъ онъ былъ до тѣхъ поръ здѣсь, покамѣстъ со всѣмъ вылечится. Мы съ нетерпѣливостію будемъ дожидаться, и всевозможное будемъ имѣть о немъ попеченіе. Жена сего Кавалера, будучи весьма разумна, не отступно просила о томъ же. Удивленіе, въ которое младенецъ сей привелъ своего дѣда, было не вѣроятно, но въ Леокадіи дѣйствовало оно еще больше. Она увидѣла, избавясь нѣсколько безпокойства, что сынъ ея лежалъ въ той са́мой комнатѣ,

мнатѣ, въ которой похищена честь ея. Хотя и не видала она уже шелковыхъ обоевъ, которыми убрана была комната въ то нещастное время; однако лехко ея узнала. Она видѣла окно съ желѣзною рѣшеткою; и хотя для сына своего не хотѣла она того открыть; однакожъ старалась примѣтить, что оно здѣлано было въ садъ. Но что ей болѣе всего доказывало справедливость ея мнѣнія; то была кровать, гдѣ лежалъ ея сынъ; шкафъ, съ коего тогда взяла она крестъ, и число ступеней, по которымъ должно сходить на самую улицу, ибо она сходя по нихъ, перечитала; что все здѣлано для предосторожности, когда велъ ея Родольфъ съ завязанными глазами. Она сравнивала сей знакъ съ прочими; нашла, что сердце ея не погрѣшило. И такъ открыла она все своей матери. Сія женщина начала, притворяясь, спрашивать, гдѣ находится сынъ ихъ, о которомъ они не давно упоминали? Ей сказано было въ отвѣтъ, что онъ поѣхалъ путешествовать въ Италїю. Тогда сочла она то время, когда онъ туда поѣхалъ; и точно узналa, что то было нѣсколько прежде того,

 какъ

какъ уведена Леокадія. Она сказала то своему мужу; но онъ побуждалъ ихъ поступать при семъ случаѣ съ великою осторожностію, и имѣть терпѣніе дожидаться, что напослѣдокъ судьбина опредѣлитъ для ихъ фамиліи. Молодой Людвигъ въ двѣ недѣли со всѣмъ избавился опасности, и нѣсколько времени спустя, отъ болѣзни свободился. Между тѣмъ мать его и родители ея обыкновенно всякой день его посѣщали.

Естефанія, [такъ называлась жена сего знатнаго Кавалера], разговаривая часто съ Леокадіею одна, сказывала ей въ нѣкое время, что молодой Людвигъ столь много походитъ на одного изъ ихъ сыновей, которой теперь въ Италіи, что она не видала двухъ человѣкъ такъ сходныхъ между собою. Въ одинъ день, когда она повторяла тоже самое, то почла Леокадія за способной случай, открыть ей свои мысли, какъ сказывала она то своей матери. Она начала говорить слѣдующимъ образомъ: Какъ скоро родители получили печальное извѣстіе о нещастіи сего младенца, котораго вы такимъ сожалѣніемъ удостоиваете; то думали они, что померкъ

свѣтъ

свѣтъ въ глазахъ ихъ. Уронъ сей казался имъ невозвратимымъ. Они лишились надежды, видѣть болѣе любезнаго своего внука, которой долженъ быть подпорою ихъ старости. Они чрезвычайно любятъ сего младенца. Нѣжчость ихъ превосходитъ любовь, которую отеческое сердце чувствуетъ къ собственному своему сыну. И такъ вдались они, что вы лехко разсудить можете, въ нечувствованную никогда ими горесть, лишъ только узнали о его нещастіи. Какъ ни обыкли сносить они жесточайшіе удары; и хотя въ бѣдности ужѐ состарѣлись: но сей уронъ снести почти ужѐ не были въ состояніи. Однакожъ небо доказало имъ въ семъ случаѣ, что огорченія не всегда продолжаются. Оно открылось къ ихъ радости; они освободились отъ нещастія, которое небо имъ послало, прежде нежели чаяли. Людвигъ остался живъ, какъ прежде носился противной тому жалостной слухъ. Онъ свободился отъ болѣзни; и я ласкаю себя надеждою, что въ васъ нашла такихъ себѣ друзей, которыхъ мнѣ милосердая судьба послала къ совершенному концу чрезъ великодушныхъ

ссобъ, чтобъ тѣмъ окончилось жалостное мое огорченіе, или по крайней мѣрѣ могло бъ оно быть мнѣ напослѣдокъ пріятнымъ. Я происхожу, сударыня, изъ такого роду, продолжала она, воздыхая, коего благородство цвѣтетъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ; однако я небогата; щастіе дало мнѣ имѣніе весьма нещедрою рукою: но меня то не печалитъ. Тотъ довольно богатъ, кто съ малымъ имѣніемъ, которымъ онъ владѣетъ, живетъ въ удовольствіи. Богатство не всегда бываетъ благополучіемъ людей. Однакожъ, сударыня, примолвила она, проливая источники слезъ, естьли вы узнаете, что вы теперь съ нещастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ говорите; то я безъ всякаго сомнѣнія знаю, что вы обо мнѣ будете жалѣть. Я ужѐ напередъ о васъ сожалѣю, перервала Естефанія рѣчь ея, которая словами Леокадіиными казалась, быть тронута и приведена въ восхищеніе. Продолжайте, я вамъ не препятствую; и естьли спасеніе ваше зависитъ отъ меня; то вы будете столько благополучны, сколько теперь нещастливы: сердце мое вамъ то обѣщаетъ. Леокадія разказа-

казала ей потомъ со всѣми обстоятельствами, но съ великою осторожностїю, что съ нею восемь лѣтъ предъ симъ въ сей комнатѣ приключилось. Она вынула тотчасъ брилїантовой крестъ, чтобъ Естефанїи основательнѣе доказать справедливость словъ своихъ. Отдала въ руки сей знатной женщинѣ, которая тотчасъ его узнала. Я взяла сей драгоцѣнной крестъ въ томъ намѣренїи, говорила Леокадїя, чтобъ при случаѣ оправдать мою невинность, хотя онъ тому и безсловесной былъ свидѣтель. Претерпѣнной мною тогда стыдъ и безчестїе, не возбуждаетъ меня къ отщенїю, хотя родъ и состоянїе моего того и требуютъ. Нѣтъ, можетъ быть, вы будете виновницею моего щастїя. А о томъ я увѣрена, что вы на меня не прогнѣваетесь, что я открыла вамъ всю тайность. Прошу у васъ совѣту, ищу въ васъ себѣ утѣшенїя, и съ моей стороны напослѣдокъ увѣряю, что сей младенецъ, котораго вы своей любви удостоили, дѣйствительно вашъ внукъ. Какъ скоро Леокадїя сїе выговорила, то тотчасъ упала въ руки къ Естефанїи. Сїя будучи внѣ себя, и тронута о ней сожалѣ-

жалѣнїемъ, держала ея крѣпко въ своихъ объятїяхъ, и лила ручьи своихъ слезъ. Въ ту самую минуту вошелъ въ комнату Кавалеръ, держа на рукахъ молодаго Людвига. Онъ пришелъ въ изступленїе, увидя жену свою утопающую въ слезахъ и Леокадїю изумленную. Спрашивалъ, что ето значитъ? Любезной супругъ! отвѣчала ему Естефанїя; я тебѣ скажу преважное дѣло: однакожъ когда его не можно вмѣстить въ короткую повѣсть; то я скажу тебѣ только то, что ета молодая женщина, которую ты видишь теперь безъ памяти, тебѣ сноха, а молодой Людвигъ внукъ твой. Я узнала всю тайность; одно лице сего младенца довольно было къ доказательству сей справедливости; хотя бы и не имѣли сильняе онаго увѣренїя. Ты дѣйствительно называешь то тайностїю, что ты мнѣ теперь открыла, сказалъ сей Кавалеръ, по малой мѣрѣ ето сверьхъ моего понятїя. Я прошу тебя разрѣшить мое сомнѣнїе, чтобъ я болѣе въ мысляхъ не колебался. Между тѣмъ пришла Леокадїя опять въ себя. Но какъ онъ не переставалъ ея о томъ просить; то Естефанїя

не

не хотѣла сказать ему того въ ея присутствїи, что Леокадїя ей открыла. Онъ тотчасъ оное увидѣлъ, и обнимая съ нѣжностїю Леокадїю, говорилъ ей съ вѣрнѣйшими обнадеживанїями, которыя только можетъ учинить отцъ, что онъ сына своего строгостїю принудитъ исполнить свою должность. И въ самомъ дѣлѣ отправилъ онъ въ тотъ же день въ Неаполь курїера, и написалъ къ Родольфу, чтобъ онъ немедленно возвратился, и что далъ онъ свое слово, женить его на такой особѣ, которая чрезвычайно прекрасна; и коей онъ по своимъ мыслямъ не можетъ желать лучше. Между тѣмъ не дозволялъ уже онъ Леокадїи итти въ свой домъ. Ты до тѣхъ поръ, любезная дочь, говорилъ онъ, будешь у насъ жить, покамѣстъ женихъ твой оттуда возвратится.

Курїеръ прибылъ скоро въ Неаполь; и Рудольфъ восхищаясь симъ письмомъ, чрезъ три дни, по полученїи онаго, выѣхалъ. Четыре галеры въ готовности были къ отплытїю въ Гишпанїю. Онъ вошелъ въ одну изъ нихъ съ двумя своими друзьями, которые отъ него почти не отходили. Въ двенатцать дней приплылъ онъ въ Бар-

целлону, и въ семь дней послѣ того въ Толедо. Платье было на немъ чрезвычайно богато и великолѣпно: радости, которая чувствована была о его прибытии въ сердцахъ Естифаніи и мужа ея, почти словами изъяснить не можно. Семь лѣтъ не видали они любезнаго своего сына, которой дѣйствительно мужественнымъ своимъ и прекраснымъ видомъ превосходилъ почти всѣхъ Гишпанскихъ благородныхъ людей. Но Леокадія съ своей стороны не знала, надѣяться ли ей, или бояться должно. Она все видѣла, что происходило въ той комнатѣ, изъ такого мѣста, въ которомъ по совѣту Естефаніи, была скрыта. Оба друга Родольфовы хотѣли итти. Можно лехко разсудить, что они не видавъ столь долго своихъ родителей, родственниковъ и друзей, нетерпѣливно онаго желали. Но Естифанія до того ихъ не допускала. Нѣтъ, говорила она имъ, вы еще не уходите, и останьтесь здѣсь ужинать. Потомъ уже дозволю я вамъ здѣлать своимъ родителямъ такоеже удовольствіе, какое произвелъ въ насъ Родольфъ. Нѣсколько времени спустя, отвела она ихъ къ

сторо-

сторонѣ. Скажите мнѣ совѣстно, просила она ихъ такимъ образомъ неотступно: были ли вы въ то время съ нимъ, какъ сынъ мой за нѣсколько времени передъ отъѣздомъ въ Италiю, увелъ одну молодую женщину? Того только я отъ васъ знать желаю. Откройте мнѣ дѣйствительную правду, ибо отъ того зависитъ честь и спокойствiе нашей фамилiи. Не опасайтесь ничего, что я вамъ о томъ говорю; вы еще столько ввѣрите моей искренности, которая обѣщаетъ признанiю вашему никакого не здѣлать вреда. Не думайте, чтобъ я могла быть такимъ чудовищемъ, чтобъ сына своего старалась ввергнуть въ нещастiе. Словомъ сказать, она побуждала ихъ такими основательными причинами, и вкралась въ нихъ столь хитрымъ образомъ, что они принуждены были напослѣдокъ признаться во всемъ томъ дѣлѣ съ точною справедливостiю. При томъ увѣряли они ея, что Родолф клялся имъ, что хотя и имѣлъ сiю женщину въ рукахъ своихъ; однако тронутъ будучи слезами ея, ничего здѣлать съ нею не отважился. Естефанiя не требовала болѣе той воздер-

жности. Сïе признанïе довольно ея во всемъ увѣрило. Она ужѐ отмѣнила, принуждать Родольфа войти въ союзъ съ Леокадïею, какъ приняла въ томъ прежде сего съ мужемъ своимъ одно намѣренïе. Прежде стола, пошла она съ сыномъ своимъ въ особливую комнату, и подала ему въ рýки портретъ, говоря слѣдующïя слова̀: Я охотно хотѣла, любезной сынъ, показать тебѣ изображенïе той особы, которая назначена тебѣ въ невѣсты; возьми, вотъ ея портретъ! Хотя она и некрасавица, въ чемъ я и признаюсь; но красота ничто иное есть, какъ тлѣнное добро; я довольною женщину красавицею почитаю, когда добродѣтель и разумъ ея украшаютъ. Она разумна и добродѣтельна; происходитъ изъ знатнаго рода, и имѣетъ великое богатство. Однимъ словомъ, когда отецъ твой и я выбрали ея: то думаемъ, что и тебѣ она будетъ любезна. Рудольфъ молчалъ нѣсколько времени, и стоялъ въ глубокихъ мысляхъ. Наконецъ началъ онъ говорить: Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что въ письмѣ, которое получилъ я, будучи въ Неаполѣ, и по полученïи коего немедленно я выѣхалъ,

ѣхалъ, изображена она со всѣмъ не такъ, какъ на етомъ портретѣ. О небо! чѣмъ болѣе я оной разсматриваю, тѣмъ болѣе нахожу, что вы весьма въ ней ошиблись. Какое лице, можно ль на него смотрѣть безъ омерзѣнія? Ужасныя черты! Какое требованіе! Простите мнѣ, любезная мать, когда я много говорить буду. Вы не могли уже сыскать ея хуже. Правда, что дѣти должны повиноваться родителямъ; но я не менѣе и то почитаю должностію, что родители не должны дѣтей своихъ принуждать къ брачному союзу. И сверьхъ того всякой женится для своей пользы. Выборъ, съ которымъ человѣкъ обязанъ жить и умереть, долженъ быть отданъ на самовольное произволеніе и неограниченное нималымъ принужденіемъ. Въ семъ случаѣ подадите вы мною примѣръ, что заключеніе брачнаго союза, не должно въ одинъ день быть здѣлано. Но въ противномъ случаѣ весьма будетъ прискорбно, проводить дни свои до конца въ скукѣ и во всегдашнихъ огорченіяхъ. Не всѣ люди столь испорченныхъ мыслей, какъ я. Можетъ сыскаться человѣкъ повинующейся своей судьбинѣ, кото-

рой

рой назначенную мнѣ долю возметъ обѣими руками. Одни смотрятъ на благородство, другія на добродѣтель и разумъ, а большая часть на богатство; нѣкоторые на красоту; я же признаваясь въ своей погрѣшности, почитаю себя въ послѣднихъ. И дѣйствительно когда женщина будучи умѣренно прелестна живетъ не въ са́момъ уединеніи, и происходитъ не изъ подлаго рода, то правда, что не должно быть столь крѣпко прилѣплену къ прочимъ, когда онъ самъ благороденъ, имѣетъ великія достоинства и немалое богатство.

Ободрись, Родольфъ, сказала Естефанія, и не утруждай себя тщетно; мы тебя принуждать не будемъ. Мы еще не такъ утвердили свои слова̀, чтобъ не могли отъ того отказаться; и конечно то здѣлаемъ, только надобно имѣть терпѣніе, по тому что ты ею скучаешь. Рудольфъ поклонился своей матери; въ чемъ состоялъ весь его отвѣтъ. Между тѣмъ готовъ былъ столъ. Какъ скоро Родольфъ и два его друга сѣли, то сказала Естефанія, будучи въ великомъ смущеніи; мы ужѐ сѣли теперь за столъ, а о томъ не думаемъ, что

еще

еще хочетъ насъ посѣтить одна изъ моихъ пріятельницъ; мы ея со всѣмъ позабыли. Радость, происшедшая отъ свиданія съ тобою, любезной сынъ, продолжала она, была причиною сей проступки. Однакожъ добронравная сія женщина проститъ намъ сію погрѣшность. Ето я точно знаю! поди скоряе, говорила она одному изъ своихъ слугъ, и скажи Леокадіи, что кушанье принесено; мы ея дожидаемся, и что ужè всѣ сѣли за столъ. Леокадія зговорясь ужè прежде съ Естефаніею, немедленно вышла. Никогда не была она столь прелестна. Она была не малаго росту, имѣла величавой видъ, и когда кидала на всѣхъ пріятные свои взоры; то можно было сказать, что въ комнатѣ той явилась богиня. Сына своего вела она за-руку, за ней слѣдовали двѣ ея дѣвки. Она поклонилась всему собранію весьма учтиво. При входѣ ея, встали тотчасъ всѣ изъ своихъ мѣстъ, и приняли ея весьма ласково. Естефанія взяла ея зá-руку, и посадила точно противъ Родольфа, а молодаго Людвига подлѣ своего мужа. Родольфъ какъ скоро увидѣлъ Леокадію, то чрезвычайно былъ ею тронутъ,

и только лишь она сѣла, то почувствовалъ онъ, что сердце его воспламенилось къ ней любовїю. Восхищаясь ея прелестьми, не могъ онъ воспрепятствовать происходящимъ отъ того движенїямъ. Онъ горѣлъ нетерпѣливнымъ желанїемъ. Грудь его воздымалася, и внутреннїя движенїя видны были изъ глазъ его. Онъ смотрѣлъ на прелестнѣйшей предметъ сей съ изумленїемъ; взоры его обращены были на одну ея, и сердце его произносило горестныя жалобы, что небо не наградило его такою любви достойнѣйшею особою. Ахъ для чего ты не та, говорилъ онъ самъ въ себѣ, которую выбрали мнѣ мои родители? или хотя бы ты имѣла половину сихъ прїятностей! Между тѣмъ какъ Рудольфъ удивлялся такимъ образомъ Леокадїи, прельщала она его, не говоря ни слова отъ часу болѣе своею красотою: она глядѣла на него, не подавая никому нималаго знака къ примѣчанїю; прїятной его видъ произвелъ въ ней такое дѣйствїе, что и она начала чувствовать къ нему истинную любовь. Между тѣмъ, какъ размышляла она о его приключенїяхъ, представляла себѣ столь труднымъ

до-

достиженїе того благополучїя, которое ея миновать не могло; что не смотря на Естефанїины увѣренїя, не знала она, бояться ли ей, или надѣяться. Разсѣянныя мысли произвели въ сердцѣ ея возмущенїе. Любовь, страхъ, надежда и неизвѣстное ей состоянїе, въ которомъ она еще себя видѣла, рассыпали со всѣмъ ея мысли, и здѣлали, въ разсужденїи собственныя ея пользы, столь боязливою, что нечаянно лишилась она силы. Покрыта блѣдностїю, упала безъ памяти въ руки къ Естефанїи, которая сидѣла тогда подлѣ ея. Естефанїя удержала ея, и всѣ, оставя столъ, прибѣжали къ ней на помощь. Они всѣ чрезвычайно тронуты были симъ нечаяннымъ случаемъ. Но Родольфъ казался гораздо болѣе всѣхъ прочихъ; ибо мучась своею страстїю, и желая ей помочь, впалъ онъ самъ два раза въ обморокъ, прежде нежели до нея дошелъ. Сердце его никогда столь безпокойно и столь влюбленно не было. Леокадїю разшнуровали, и опрыскивали водою; однакожъ со всѣмъ тѣмъ не могла она опамятоваться. Сердце ея удвоило свое бїенїе; пулсъ шелъ весьма слабо, и въ безпамятствѣ ея столь

мно-

много оказалось знаковъ къ смерти, что слуги съ превеликимъ крикомъ разгласили о ея смерти. Извѣстїе о семъ печальномъ случаѣ дошло тотчасъ до Леокадїиныхъ родителей, которые по призыву Естефанїину, съ пасторомъ скрыты были въ одной комнатѣ. Они не должны были до тѣхъ поръ выходить изъ оной, пока не будетъ имъ данъ особливой знакъ. Но какъ услышали они крикъ домашнихъ; то побуждаемы будучи безпокойствомъ, побѣжали они въ залу. Пасторъ при семъ случаѣ чрезмѣрно удивился сей нечаянной перемѣнѣ. Онъ подошелъ къ Леокадїи, чтобъ посмотрѣть, можетъ ли она еще говорить; хотѣлъ здѣлать ей разрѣшенїе отъ грѣховъ. Между тѣмъ, какъ читалъ онъ при такомъ случаѣ приличныя молитвы, Ророльфъ, видя почти бездыханное тѣло сей красавицы, впалъ отъ печали и любви въ отчаянїе. Скоро потóмъ пришелъ онъ въ себя, и стыдился самъ своей слабости. Нѣтъ, любезной сынъ, говорила на то ему мать, не стыдись своей слабости. Сїе производитъ во мнѣ неизреченную радость и удовольствїе. Я вижу, что мнѣ должно тебѣ открыть то, чего ты еще

до

до сихъ поръ не зналъ. Сія прелестная особа, которую ты теперь здѣсь видишь, твоя невѣста. Я могу по праву дать ей сіе имя, ибо она по справедливости та самая, которую мы тебѣ выбрали. Не давно казала я тебѣ портретъ, чрезъ что хотѣла только вкоренить въ тебя пріятную боязнь; что ты и чувствовалъ, какъ я ужè была увѣрена, когда въ первой разъ взглянулъ ты на прекрасную Леокадію. Никогда не оживляло Родольфа столь пріятное движеніе: онъ не могъ ужè болѣе самъ собою владѣть, и въ томъ мнѣніи, что онъ назначенъ ужè ей женихомъ, и чтобъ доказать страсть свою, бросился онъ къ Леокадіи, и тысячу разъ цѣловалъ ея. Казалось что онъ дожидаясь ея одушевленія, хотѣлъ ея принять. Леокадія здѣлала напослѣдокъ знакъ, по которому узнали, что безпамятство ея было не смертельно. Она открыла глаза, закраснѣлась и была въ смущеніи, увидя себя въ обьятіяхъ Родольфовыхъ, здѣлала непринужденное движеніе, чтобъ онъ отъ нея отступилъ. Теперь я тебѣ не повинуюсь, дражайшая Леокадія, говорилъ Родольфъ; дозволь мнѣ лучше умереть; ибо когда ты мнѣ позволишь, то

то долженЪ я тебѢ открыть всю внутренность. Я не могу быть ни на одну минуту отЪ тебя отдаленнымЪ. Сїи слова̀ возвратили опять Леокадїи потерянныя ея чувствїя; она хотя и не говорила; но глаза̀ ея довольно за нѢе отвѢчали. Естефанїя, видя исполненнымЪ свое намѢренїе, считала прочїе обряды за лишнее, и для того сказала она Пастору, что сїя пара должна соединена быть бракомЪ. И какЪ Родольфовы родители при своемЪ предпрїятїи имѢли осторожность, взять вЪ томЪ отЪ духовной позволенїе; то на томЪ же мѢстѢ совершилося ихЪ бракосочетанїе. Не вспомнишь ли ты, сказала потóмЪ Естефанїя своему сыну, когда подалЪ онЪ руку любезной своей Леокадїи, не помнишь ли ты, чтобЪ видѢлЪ, когда ни будь свою невѢсту? НѢтЪ, милостивая государыня, отвѢчалЪ онЪ: ибо естьлибЪ имѢлЪ я щастїе, видѢть ея прежде, нежели поѢхалЪ вЪ Италїю: то бЪ дѢйствително не предпринялЪ здѢлать того путешествїя. Ты ошибаешся, любезной сынЪ, сказала сЪ прїятною усмѢшкою Естефанїя; и показывая ему осыпанной брилїантами крестЪ, продолжала рѢчь свою

вЪ

въ слѣдющихъ словахъ: Етотъ крестъ можетъ тебѣ все доказать; а Леокадія еще лучше, ибо она та самая, которую увелъ ты до путешествія своего въ Италїю. Вотъ плодъ твоего похищенія, говорила она, показывая на молодаго Людвига, о которомъ прелестная Леокадія пролила столь много слезъ. Силѣ родства долженъ ты благодарить за толь великое твое щастїе, котораго бы ты дѣйствительно иначе никакъ получить не могъ. Леокадія благородна, разумна, добродѣтельна и имѣетъ всѣ тѣ прїятности, которыхъ только тебѣ въ своей любезной желать можно. Потомъ расказала ему сама Леокадія, что съ нею приключилось, и воспоминала ему, краснѣясь, всѣ малыя обстоятельства, кои доказывали ему, что она была та самая, которую онъ увелъ. Онъ бросился къ ея ногамъ; она подняла его съ веселымъ удовольствїемъ, и простила ему все; ибо они ни о чемъ не должны были думать, какъ о радости; послѣ чего обняли они другъ друга съ нѣжностїю. Спустя нѣсколько минутъ, пошли они всѣ въ залъ, въ которомъ поставленъ былъ великолѣпной столъ. Огромная музыка началà играть, и увесе-

веселенія продолжались почти во всю ночь. Никогда не бывалъ бракъ столь благополученъ и совершенъ съ такимъ удовольствіемъ. Родолфъ и Леокадія любили другъ друга во всю свою жизнь. Они оставили знатную фамилію, которыхъ потомки находятся и теперь въ Гишпаніи въ превеликой славѣ.

